

Юля Сёмина

Зяблик

сборник рассказов

Юля Сёмина

Зяблик

«Автор»

2023

Сёмина Ю.

Зяблик / Ю. Сёмина — «Автор», 2023

В сборнике собраны рассказы автора, поджанр которых варьируется от иронического до философско-психологического.

© Сёмина Ю., 2023

© Автор, 2023

Юля Сёмина

Зяблик

Зяблик

Не суди человека, пока не пройдёшь долгий путь в его ботинках.
Лао-Цзы, древнекитайский философ

Не помню, с чего началось, я была совсем ещё маленькой, папа прозвал меня Зябликом. Я не знала, что зяблик – это птица, но мне нравилось моё ласковое прозвище.

Родилась я в 1977 году в селе, куда папа и мама приехали работать после института. Папа преподавал историю в сельской школе, мама – русский язык и литературу. Тогда не было длинных декретных отпусков, дома оставлять меня было не с кем, а детский сад в селе только строился, поэтому, едва достигнув года, я стала любимым первенцем не только у родителей, но и у всего сельского учительского коллектива.

Со взрослой деловитостью шагала я за руку с папой «на работу». Мы шли по тропинке к школе и сочиняли короткие весёлые стихи, повторяя их в такт каждому шагу:

Кто проснулся спозаранку,
На уши поставил дом,
Вывернул всё наизнанку,
Нет сомненья – это он.
Кто волчком крутиться может,
Льет ли ливень, валил снег,
Кто на свете всех дороже –
Это Зяблик – человек!

С гордостью и восхищением смотрела я на папу, когда он, уступив моим уговорам тихонько посидеть за последней партой и снабдив меня карандашами и раскрасками, вёл урок.

Высокий, стройный, по-южному смуглый, нарядный, в костюме «тройке», отглаженном так, что стрелками брюк, казалось, можно порезаться; с гладко зачёсанными на косо пробор иссиня-чёрными волосами; мягким взглядом тёмно-карих, слегка близоруких от плохого зрения и оттого обезоруживающе притягательных глаз под очками в роговой оправе; с едва заметной, но никогда не покидавшей лица игривой усмешкой на полноватых губах.

Особенно хорошо я запомнила папины руки, казавшиеся большими, когда я прятала в них свои детские ладони. Его пальцы были музыкально-длинными, тонкими, с излишне выраженными странно-округлыми камешками суставов посередине.

Уже тогда во мне угадывались папины черты: и в цвете глаз, и в смуглости кожи, и в пухлости губ, и в усмешке рта; и даже на маленьких детских пальцах проглядывали чуть выпирающие суставчики.

– Пап, а почему Зяблик? – спрашиваю я по дороге из школы домой.

– Это птичка такая, доченька, маленькая, яркая, праздничная, шустрая, как ты.

Когда мне исполнилось четыре года, родители развелись. Я не помню семейных ссор, просто папа уехал из села и больше не жил с нами, лишь иногда навещая и привозя подарки.

Вскоре мы с мамой тоже переехали в маленький город, и я почти совсем перестала видеться с папой.

В городе я пошла в первый класс. Пару раз папа приезжал ко мне в школу, мы ели мороженое после уроков, ходили в кино, гуляли по улицам, повторяя наши любимые стихи:

Кто на свете всех дороже –
Это Зяблик – человек!

Папа был всё такой же красивый, нарядный, со стрелками-лезвиями и гладко зачёсанной копной смоляных волос. Глаза лучились кофейным теплом, даже когда он, делая мне замечание: «не держи руки в карманах, ты же девочка», пытался быть строгим.

В апреле мне исполнилось восемь лет. Я уже умела бегло читать и писать, и мы с папой переписывались – слали друг другу письма и открытки.

Папа обещал обязательно приехать в мой день рождения.

У нас с мамой собралось много гостей: мои одноклассники, соседские дети, мамини подруги. Но главного гостя всё не было. К вечеру я спряталась ото всех в спальне и горько плакала от обиды – не приехал... Больше я папе не писала и не отвечала на его письма.

Как-то восьмого марта пришла поздравительная открытка. После праздничных пожеланий на ней было написано: «Ты вырастешь и, надеюсь, поймёшь и простишь меня. Я очень люблю тебя. Папа».

Слова показались мне странными. Понимать было нечего: папа бросил меня и, значит, не любит.

Он не искал больше встреч. А моя обида на несдержанное апрельское обещание незаметно превратилась в едкую злость, даже ненависть, которые я запрятала поглубже и больше не вспоминала.

Шли годы. Я окончила школу, поступила в юридический институт. У меня была весёлая студенческая жизнь, появился жених – однокурсник Славик. Иногда мы со Славиком заходили в гости к папиным родителям – моим бабушке и дедушке. От них я знала, что жизнь у папы не складывается, он начал пить, уволился из школы, подрабатывал в небольшой районной газете корреспондентом.

Через месяц после моего двадцатипятилетия не стало дедушки. Я пришла с ним проститься и встретила папу. За почти двадцать лет папа очень изменился. От былой нарядности не осталось и следа. Только наглаженные стрелки того самого, теперь изрядно обветшалого костюма из сельской учительской жизни были такими же острыми. Из-под роговой оправы очков смотрели немного выцветшие, но всё такие же мягкие, кофейно-близорукие глаза, но теперь незнакомо печальные. Игривая усмешка пропала, будто спряталась в уголках чуть сжатых губ. Пробор волос был тронут сединой. Раньше высокий, папа сейчас был чуть выше моего плеча. Оказавшись напротив, смотрел удивлённо и растерянно:

– Как дела, Зяблик?

Я не ответила. Он ещё что-то говорил. Достал из бокового кармана пиджака бумажник, развернул. Там, внутри, в прозрачном кармашке сидели, обнявшись, чёрно-белые мы, я и папа. С потёртой фотографии смотрели на меня из-под ёлки в мой третий Новый год две пары угольно-карих, не отличимых друг от друга глаз.

Я отвернулась и выбежала наружу. Слезы душили. «Лжец, предатель, лицемер!» – бросила я из себя злость: эгоистичную, глубоко засевшую, незаметно вызревшую и окрепшую с годами...

Ещё через несколько лет я переехала в большой город, работала в офисе в центре, моя юридическая карьера шла в гору. Я рассталась со Славиком, он остался жить в маленьком городе и работал в нотариальной конторе, иногда мы по-дружески созванивались. Мама тоже осталась в маленьком городе, она больше не вышла замуж, но не хотела оставлять привычную жизнь и любимых подруг.

Не сразу, постепенно стала я полноправным жителем большого города. У меня была небольшая квартира в престижном районе, маленькая ярко-красная французская машина. Я часто путешествовала: европейские столицы и райские острова с белым песком. Посылала маме деньги. В остальном у меня не было обязательств, жизнь бежала интересно и легко. Унаследовав папину южную яркость, я привлекала мужчин, ходила на свидания, увлекалась, но жила одна.

Возвращаясь в свою квартиру после работы, отпуска или романтической встречи, я брала блокнот, ручку и сочиняла стихи. Стихи получались корявые, нескладные, но простые и искренние. В них было далёкое зелёное село, тропинка к школе, весёлая компания молодых сельских учителей и большая тёплая папина рука, крепко державшая мою детскую руку, размахивавшую в такт шагам:

Кто на свете всех дороже –

Это Зяблик – человек!

Я достала старую картонную коробку из-под обуви, запрятанную на антресоли, стала перебирать пожелтевшие от времени конверты, записки, фотографии.

В руки попала поздравительная открытка «С 8 Марта», в которой после пожелания здоровья и счастья папиным ровным учительским почерком были написаны несколько слов, расшевеливших что-то важное внутри.

Я провела рукой по выпуклому рисунку когда-то ало-огненных тюльпанов на открытке и поняла, что не чувствую обиды, не чувствую ненависти и злости. Я простила. Простила папу, как один взрослый человек, уже узнавший о жизни много, может простить другого.

Я вспомнила папин растерянный, печально-близорукий взгляд в нашу последнюю встречу, его будто съёжившуюся от нескладной жизни фигуру, знакомую фотографию в бумажнике и сердце моё мучительно сжалось: «Папа, папочка! Как же ты жил все эти годы?!»

Я переписала из открытки папин адрес, с нетерпением стала ждать отпуска, чтобы поехать в маленький город, бесконечно прокручивая в голове детали предстоящей встречи с папой.

В будний день я сидела за компьютером в офисе и что-то печатала. Зазвонил мобильник. Это был Славик.

– Привет! – выпалил он и, не дав ответить, продолжил. – Тут такое дело: бабушка твоя приходила в контору к нотариусу, ну, наследство и всё такое. Она твоего нового адреса не знает. Хоть вы с отцом и не общались... но... умер он, ещё месяц назад, внезапно, сердце. Алло, слышишь меня?

Отбой на телефоне нажался сам собой. Пальцы автоматически легли на клавиатуру, тонкие длинные пальцы с нелепыми камешками суставов посередине. Экран компьютера проснулся, загорелся, и на нем вспыхнула, словно вспорхнула заставка: маленькая, яркая, праздничная птичка – зяблик.

Тумбочка

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

А. С. Грибоедов

«... Да-да, всё понятно. Хорошо, конечно. Да нет, что Вы, такой пустяк. Сейчас же вышлем кого-нибудь для снятия мерок. А впрочем, я сама, сама приеду, уже выезжаю. Конечно, я передам Татьяне Васильевне, она на уроке, видимо, поэтому не смогла ответить...», – слышался голос Маргариты Сергеевны, завуча нашей школы, из учительской, куда я зашла перед уроком за классным журналом 5Б.

Взяв журнал, я уже было направилась к выходу, но завуч меня окликнула:

– Ирина Петровна, голубушка, Вы не посадите мой 8А на урок? У меня срочное дело, нет никакой возможности отложить. Я напишу Вам вот тут, на листочке, номера упражнений, а Вы уж, очень прошу, посадите детей, дайте задание и проследите, чтобы не слишком шумели. Дело срочной, крайне неотложной надобности.

– Хорошо, – ответила я, наблюдая, как Маргарита Сергеевна, всё ещё держа в руках телефонную трубку и, видимо, мысленно продолжая только что оконченный разговор, обмахивала

раскрасневшееся лицо тетрадь, взятой из лежавшей перед ней пачки недопроверенных контрольных работ. – Но... Маргарита Сергеевна, а что случилось, проверка какая-нибудь опять... Что за мерки снять надо? Может быть, я могу помочь?

– Ой, дорогая моя Ирина Петровна, – завуч говорила, снимая с вешалки плащ и пытаясь попасть рукой в один из рукавов. – Вам поручить не могу, у Вас ещё слишком мало опыта, должна сама. Передайте, пожалуйста, директору... хотя, нет, тут нужна абсолютная точность, Татьяне Васильевне я скажу сама, она сейчас на втором этаже вроде бы в 10А, загляну к ней. Всё, побежала. И проследите за 8А, Ирина Петровна, непременно, дети там очень активные, прошу...

Маргарита Сергеевна выпорхнула из учительской, демонстрируя небывалую лёгкость походки для её почтенного возраста, ранее мною никогда не замечаемую. Я была в замешательстве. Обычно завуч никому не доверяла своих учеников, даже будучи больной, приходила вести уроки, не допуская мысли передать замещение другим учителям. Да, дело, видимо, серьёзное. Меньше года назад я окончила педагогический институт и начала преподавать русский язык и литературу в одной из школ нашего небольшого городка, а также узнавать учительскую жизнь изнутри.

Вскоре прозвенел звонок на урок. Я пошла в мой 5Б, написала на доске новую тему, попросила детей начинать самостоятельно читать параграф, потом добежала до кабинета, в котором занимался 8А, продиктовала задание там, и так и металась весь урок от пятиклашек к восьмиклассникам и обратно, следуя поручению завуча контролировать дисциплину.

После этого странного двойного урока, который провела я кое-как, то успокаивая 8А, расшумевшийся, пока уходила в 5Б, то наоборот, мне пришлось задержаться, давая домашнее задание двум классам поочередно, а затем я спустилась на первый этаж в учительскую комнату.

В не слишком просторной учительской теснился народ, весь педагогический состав был в сборе. Даже физруки, которые в связи с рано распогодившейся весной проводили уроки на уличной спортивной площадке, были здесь и закрывали мне обзор центра помещения своими развитыми спинами. Я приподнялась на цыпочки, чтобы разглядеть, что происходило там, куда было обращено внимание всех собравшихся. В центре комнаты, хотя и не отличающаяся большим ростом, но авторитетом и должностью возвышающаяся надо всеми, вещала директор нашей школы Татьяна Васильевна:

– Итак, повторяю: всем на мобильные телефоны будет разослано сообщение с размерами и описанием. Маргарита Сергеевна, перешлите, пожалуйста, всему педсоставу мерки, которые Вы сняли.

– Да, хорошо, Татьяна Васильевна, – отозвалась завуч Маргарита Сергеевна, тоже бывшая здесь и, по-видимому, только недавно прибывшая из места причины сегодняшнего переполоха, так как всё ещё была в плаще и вытирала носовым платком пот с разгорячённого от активной ходьбы лица.

– Далее, – продолжала Татьяна Васильевна, – географы Валентина Сергеевна и Мила Геннадьевна выезжают по комиссиям. Валентина Сергеевна, у Вас же муж за рулем, пусть поможет, нужно объехать максимум адресов, дело срочное.

Географы безмолвно кивнули и за себя, и за не подозревающего внезапной перемены планов на день мужа одной из них.

– Так, математики, – звучал начальственный голос директора, – математики едут по объявлениям из газет, в помощь выделяю вам одного физрука, если вдруг удастся найти то, что нужно. Маргарита Сергеевна, где газеты, которые Вы купили? Давайте, давайте их сюда. Газеты не вам, математики, уберите руки и слушайте дальнейшие указания. Итак, математики едут по адресам из объявлений, но только по тем, которые будут проверены.

– А на чём мы едем, Татьяна Васильевна? У географов, получается, есть машина, а у нас нет, – послышался голос Валентины Дмитриевны, одной из трёх присутствовавших здесь учителей математики.

– А вам, коллеги, надо тоже мужей с автотранспортом иметь, тогда и вопросов не будет, на чём ехать.

– Да выйдешь тут замуж, если тащишь на себе всю внеурочку и надомников, – дерзко отозвалась молодая учительница математики Анастасия Игоревна.

– Разговорчики! Не нравится им внеурочка! А не хотите надомников, пожалуйста, не дам я Вам этих часов на следующий год, будете на ставке сидеть, так сами же прибежите просить подкинуть ещё нагрузку, – отвечала директор, горячась и ещё больше повышая голос. – И довольно, не об этом сейчас речь. Итак, математики едут по объявлениям на общественном транспорте. Можете принести использованные проездные билеты, попробую возместить вам расходы из общешкольных денег, но не обещаю, мы ещё на краску для актового зала не дособрали с родителей, так что денег пока нет.

– Татьяна Васильевна, надо бы сейчас уже посадить людей на телефоны, иначе не успеем до обеда никак, а срок то дан: тринадцать ноль-ноль, – негромко, но уверенно вмешалась завуч Маргарита Сергеевна.

– Да-да, спасибо, Маргарита Сергеевна, действительно, это вот математики отвлекают меня не относящимися к сути дела вопросами, – директор ещё повысила голос, и все три учительницы математики вжали головы в плечи. – Учителя русского языка и литературы, а проще говоря, руссологи, занимают стационарные телефоны в кабинете директора и в учительской и прозванивают объявления в газетах, которые купила Маргарита Сергеевна. Так как руссологов четверо, а телефонов стационарных два, двое звонят со своих мобильных телефонов.

– А кто эти двое счастливиц, которые должны звонить за собственный счет с мобильных телефонов? – спросила Кира Денисовна, учитель русского языка и литературы.

– А мы сейчас это легко определим. Маргарита Сергеевна, кто у нас из руссологов получил в последнем месяце стимулирующие выплаты за олимпиадников? Вот кто получил, тот и звонит со своих телефонов за свой счёт.

Учитель русского языка Кира Денисовна, словно устыдясь своего вопроса, опустила глаза, а директор продолжила.

– Итак, руссологи звонят по объявлениям из газет, договариваются о просмотре, затем сообщают математикам проверенные адреса. Всё, руссологи, вперед, за телефоны. Математики, а вы распределитесь по районам города и ждите звонков руссологов. По результатам каждого просмотра отзванивайтесь Маргарите Сергеевне. Если найдёте то, что нужно, мы подъедем с деньгами. Так, а на чём же мы подъедем? Маргарита Сергеевна, наберите кого-нибудь из родительского комитета, пусть найдут родителя с машиной, скажите очень срочно, неотложно.

– Будет сделано, Татьяна Васильевна, – завуч для убедительности не только ответила, но и кивнула головой и отошла в угол учительской звонить по поводу автотранспорта.

– Так, дальше, химики и биологи – на рынок, трудовик – с ними. Хорошо, что в коллективе есть мужчины, видите, иногда они очень даже могут пригодиться. Гм. Да. Походите там по рядам, может, что-то попадётся стоящее. Итак, на рынок специалисты выделены. Что ещё... Где завхоз? Клавдия Петровна! Но что ж Вы там прячетесь в углу? Поищите на складе упаковку какую-нибудь, ну не можем же мы везти просто так, не упаковав, некрасиво. Что-нибудь посмотрите, помните, коробки были у нас от оргтехники, депутат привозил, надеюсь, не выбросили ещё, вот из них что-нибудь подберите.

– Сейчас же посмотрю, – с очень уж активным, а оттого кажущимся поддельным энтузиазмом отозвалась Клавдия Петровна.

– Иностранцы, информатик, изо и музыка пока остаются со мной на случай срочных поручений. Кстати, изо, Лилия Сергеевна, помогите Клавдии Петровне с упаковкой, у Вас же

должен быть эстетический вкус, хотя по детским рисункам, которые Вы направили от нашей школы на городской конкурс, этого не скажешь. Вам что, сложно нарисовать нормальные картинки. Чудовищная недоработка с Вашей стороны, но я ещё коснусь этого вопроса на педсовете, готовьтесь краснеть и пытаться оправдаться.

– Но это же конкурс детских рисунков, Татьяна Васильевна, – почти прошептала Лилия Сергеевна, учитель изобразительного искусства, – как я могу сама...

Директор не дала ей договорить:

– Ах, не можете! Вы что, не знаете, как эти конкурсы выигрываются и кто рисует так называемые «детские рисунки»? И что каждый выигранный конкурс – это плюс к рейтингу школы, а где рейтинг, там и лояльность городского комитета образования. Не можете научить детей – рисуйте сами!

Учитель из Лилия Сергеевна, казалось, хотела что-то сказать в ответ, но, словно поперхнувшись готовыми слететь с языка словами, сглотнула и промолчала.

Директор обвела взглядом присутствующих:

– Так, коллеги, кто ещё не сдал деньги? Передаем Маргарите Сергеевне. А то, за что покупать-то будем? Зарплата была недавно, поэтому отговорки не принимаются. Маргарита Сергеевна, что Вы там делаете в углу? Пора уже было дозвониться. Отмечайте всех сдавших, чтобы никто не ускользнул под шумок. Ну что же. Всем ясны задачи, коллеги? Мобильные телефоны держать включёнными, связь через Маргариту Сергеевну. В крайнем случае звонить непосредственно мне. Да, сторож где? Иван Михайлович, Вы тоже пока не уходите, можете понадобиться.

– Так я ж с ночной смены ещё тут сижу, Татьяна Васильевна, мне б хоть перекусить чего домой сходить, – отозвался в прошлом учитель ОБЖ нашей школы, по выходе на пенсию оставшийся работать сторожем Иван Михайлович.

– Сходите, дорогой мой, но не сейчас, сегодня у нас каждая боевая единица на счету, тем более мужская, мало ли что, поэтому пока оставайтесь на посту, домой не отпускаю.

Директор выдохнула. Народ о чём-то перешёптывался и не расходился.

– Коллеги, что мы стоим? Пути намечены, задачи поставлены, направления определены. Не забываем о времени: выполнить все нужно до тринадцати часов.

– А дети как же? – послышался робкий голос учителя химии Елены Ивановны.

– Какие дети? – переспросила директор.

– Наши дети... ученики. Ещё три урока первой смены, и во вторую несколько классов учатся. Если мы разъедемся, руссоведы будут звонить по объявлениям, а остальные останутся здесь ждать поручений, то кто уроки проводить будет?

– А, уроки, – директор задумалась, но всего на пару секунд, – так что же уроки? Коллеги, кто ещё не получил задание?

– Я, – отозвалась я из-за спин физруков.

– Ах, Ирина Петровна, мы о Вас совсем позабыли. Где Вы ходите? Так как четырех руссоведов на телефонах, думаю, будет достаточно, то Вам, друг мой, мы и доверим проведение уроков первой смены. Ко второй мы должны управиться, и тогда все пойдут на свои уроки сами.

– А в как... каких классах мне нужно будет провести уроки, Татьяна Васильевна? – спросила я, запнувшись, не до конца понимая, что от меня требуется.

– Как в каких? Во всех классах. А, впрочем, да, одной Вам будет сложно, мало опыта. Но это ничего. Вот, сторож Иван Михайлович у нас без дела, с ним и проведете уроки. Пусть дети пока учебники читают. А Вы с Иваном Михайловичем проконтролируете, чтобы они не поубивали друг друга... гм... да, то есть самостоятельно изучили материал. Благо, с учебниками у нас нет проблем. Да, хоть с чем-то нет проблем. Что делать, милейшая Ирина Петровна,

такой сегодня день – важный день для нашей школы – показать, чего мы стоим как передовой коллектив района, да чего там, а может быть, и всего города.

Учительская опустела. Педагоги, распределившись группами, обозначенными директором, направились выполнять поручения руководства.

Я была в полной растерянности, но, боясь вызвать гнев директора, больше ничего не спросила, тоже вышла и стояла у дверей учительской, думая о невыполнимости задания.

Вышел и оставшийся голодным, но не рискнувший ослушаться и уйти с дежурства сторож Иван Михайлович:

– Ну что, Ирина Петровна, нелегкая у нас с тобой задача, – обратился он ко мне тепло и как бы по-отечески, – но не бойсь, я как-то один все классы усаживал, когда к нам депутат приехал на агитационное собрание. Думал, дети школу разнесут, пока педагоги его предвыборную речь слушали. А что делать, не принять нельзя, он от партии «Наша Россия», понимать надо, важный человек.

– Иван Михайлович, а Вы не подскажете, с чего весь сыр-бор, по каким объявлениям все звонят и что ищут? – спросила я в надежде хоть как-то прояснить ситуацию.

– Так тумбочку же, – отозвался совершенно обыкновенно сторож.

– Какую тумбочку? – недоумённо переспросила я.

– Как какую? Для Алевтины Альбертовны. Она наш куратор из городского комитета образования. У неё в кабинете тумбочки нет, ну, такой, чтоб бумажки всякие положить, вещи опять же, вот она нам и заказала. Но не всякая подойдет, надо чтоб и по цвету, и по размеру пришлась. Очень хороший человек эта Алевтина Альбертовна, уважаемый, давно в руководстве, но грозная больно, а у нас же проверка на носу, не дай бог не купить нам эту тумбочку...

Московский дворик

Где родился – пригодился,
Так в народе говорят,
Только юный пыл стремился
Примерять иной наряд.
Новый, яркий, незнакомый,
Удивительный фасон,
И из ткани недешёвой
Модельером скроен он.
Только в носке неудобный:
Тянет, колется и жмёт,
И тому он, видно, годный,
Для одёжки кто живёт.
Ну а кто не побоится
За мечтой хоть в голытьбе,
Где угодно пригодится,
Свой наряд вернув себе.
Ю. Сёмина

– Как красиво, мамочка! Я разуюсь у двери, чтобы не запачкать этот блестящий пол?

Я стояла у входа в аудиторию Московского университета, куда нас провёл, как на экскурсию, мой двоюродный дедушка, работавший там профессором истории, и не решалась зайти внутрь помещения в обуви.

– Да что ты выдумала, проходи, не разуваясь, – удивился дедушка Миша, заметив, как я присела, чтобы расстегнуть сандалии.

Выложенный геометрическими узорами блестящий паркет представшего перед нами помещения был похож на зеркальный ковёр, идти по которому в уличной обуви было жалко. «Ну, ничего себе, – думала я, осторожно ступая по гладкому, как стекло, полу, – такого я не видела никогда в своей жизни».

В мае я окончила первый класс, и мама привезла меня в награду за отличные отметки в столицу. Это было моё первое посещение самого главного города нашей страны. Здесь меня, тогда ещё советскую школьницу, приехавшую из небольшого провинциального городка, удивляло всё: и огромные высотные здания, и многочисленные машины на улицах, и аттракционы в «Парке Горького», и заморские животные в зоопарке, и эскимо с пепси-колой, и, особенно кремлёвские башни со звёздами, похожими на ту, которой мы украшали ёлку под Новый год.

Звёзды здесь были не только на башнях Кремля, но и на дедушкиной пятиэтажке сталинской застройки. Фасад белого кирпичного дома дедушки Миши украшали пятиконечные оранжево-красные барельефы, располагавшиеся между окнами верхнего этажа и крышей. Вокруг стояло несколько таких же пятиэтажек, создающих уютный дворик, с небольшим фонтаном посередине и огромными зелёными липами, тянущимися выше самих домов. Мне очень хотелось жить в этом дворике с нарядными людьми, выходящими утром из его подъездов, садившимися в припаркованные тут же блестящие машины и гордо выезжавшими на широкий проспект, по обеим сторонам которого возвышались надменные дома, похожие на дворцы. Вечером дети этих нарядных людей играли на площадке во дворе. Они казались мне героями фильмов о школьниках из телевизора в их ярких платьях и шортах, мелькавших на фоне блестящих брызг фонтана и гордо державших на руках своих красавиц-кукол или управлявших разноцветными заводными машинками. Я очень хотела быть таким же ярким ребёнком с необыкновенными игрушками.

Ещё мне нравился запах столичного метро. Его невозможно описать словами, но, раз почувствовав, мне хотелось ощутить его снова. Как будто пахло бабушкиным сундуком, вмещавшим бесчисленное количество старых чудесных вещей. Так и здесь, спускаясь по эскалатору, я как будто ощущала воздух старинного огромного замка из сказки, который, как машина времени, переносил нас с мамой из исторических районов столицы в новые и обратно. В нашем городе не было метро, и потому этот скрытый под землёй аттракцион с его непохожими друг на друга величественными станциями поразил меня и заставил вспоминать о себе ещё очень долго.

Удивительными были для меня даже сосиски, которые продавались в непривычно просторных стеклянных магазинах столицы и за время, пока мы гостили у дедушки, стали нашим любимым блюдом на завтрак. В городе, из которого мы приехали, был дефицит и вещей, и продуктов, в очередях маме стоять было некогда, поэтому таких удивительных сосисок у нас дома не было. Дедушка Миша отговаривал: «Ну что вы едите, в холодильнике кусок говядины варёной из университетского буфета, вот что есть надо, а не это переработанное вторсырьё». Но мы его не слушали. Вкус этих молочных сосисок был незабываемым, и никакого мяса мне не хотелось.

Неделя, проведённая в столице, скоро закончилась, дедушка Миша проводил нас на поезд, и мы с мамой, разместившись в купе, махали ему руками.

– Мамулечка, я вырасту и обязательно буду жить в этом удивительном городе, – сказала я тогда маме и, загадав однажды, о другом мечтать не могла.

Прошло почти двадцать лет. Я закончила юридический факультет института в нашем городе и уже несколько лет работала по специальности в небольшой, но стабильной производственной компании. Учиться в столицу мама меня не отпустила – побоялась посылать одну в большой город в неразбериху девяностых годов после распада Советского Союза. Вообще-то я хотела поступать в педагогический институт и быть учителем, как все в моей семье, но и тут мама взяла верх, сказав, что с зарплатой учителя ни на какую столицу я не накоплю.

«Я всю жизнь русскому языку детей в школе учила, а мы с тобой перебивались, сама знаешь, от полочки до полочки, а порой и в долг брать приходилось. Ты хочешь так же?» – убеждала мама, и я, согласившись с ней, выбрала юрфак.

Теперь, когда жизнь в стране вошла более-менее в нормальное русло, а я получила красный диплом специалиста в области юриспруденции и профессиональную уверенность за несколько лет работы в производственной компании, моей мечте суждено было сбыться. Накопив достаточно денег на съём жилья и пройдя несколько туров собеседований, я получила место юриста в столичной компании и, наконец, переехала в самый главный город.

На новой работе было непросто. В нашем городке мы в глаза не видели таких современных компьютеров, принтеров, интернет-программ, которые здесь давно стали привычными. Поэтому мне приходилось разбираться во всех достижениях офисного прогресса, задерживаясь на работе до позднего вечера. Первый год я и жила, пожалуй, в офисе, без сил приходя ближе к полуночи на съёмную квартиру лишь с целью поспать до утра. Но, помня о том, что «Москва слезам не верит», я не сдавалась и ждала, когда «терпение и труд всё перетрут».

Год за годом я втягивалась в столичный ритм. Компьютерные программы стали для меня обычными, офисная работа заканчивалась не так поздно – приспособившись, я делала её быстрее. По выходным мне удавалось выбираться в театры и на вечеринки, с некоторыми коллегами мы по-настоящему подружились. Постепенно я собрала из частично сэкономленных зарплат сумму на первый взнос, чтобы оформить в банке ипотечный кредит и купить свою квартиру.

Дедушка Миша к тому времени уже умер, а с его наследниками мы не общались, но я хорошо помнила тот пятиэтажный двор, в котором когда-то гостила в детстве, и решила во что бы то ни стало купить свою квартиру именно там. Говорят: «Бойтесь мечтать – мечты сбываются».

Купленная мной квартира располагалась в белом кирпичном пятиэтажном доме с оранжево-красными звездами на фасаде. Из окна на четвертом этаже открывался вид на внутренний дворик. Разросшиеся липы, как и прежде, сторожили двор, который стал почему-то безлюдным. Полинялые лавочки у подъездов одиноко скучали, на детской площадке не было видно яркой детворы. Фонтан высох, и теперь в нём самовольно собиралась пожухлая осенняя листва. На ремонт и мебель у меня не хватило денег, поэтому спать приходилось на надувном матрасе, а завтракать и ужинать на подоконнике. Но я отыскивала в памяти согревающее ощущение далёкой детской мечты, и тогда матрас, подоконник и даже высохший фонтан переставали мешать наслаждаться тем, к чему я так долго стремилась.

В воскресенье я отправлялась бродить по центральным улицам столицы. Сначала нужно было проехать несколько станций на метро, вдыхая раньше такие приятные, а теперь ставшие привычными запахи его станций. Правда, людей в подземке, как ещё называли метро, стало неисчислимо много. Я настраивалась на мои воспоминания о детских ощущениях подземного волшебства, но вдруг кто-то меня случайно толкал, а потом под натиском входившей в вагон толпы я оказывалась зажатой между чьими-то спинами, и ощущение чуда исчезало.

Я выходила на станции, ведущей к Красной площади, шла по брусчатке, смотрела на мавишие меня когда-то звёзды. «Где же, где это ощущение? – спрашивала я себя, стараясь выудить изнутри восторг, когда-то охватывавший меня при виде кремлёвских башен. По площади ходили туристы, фотографировались, дежурно, как мне казалось, отмечаясь у известного места просто потому, что все так делают, значит, и им нужно.

«А вдруг и я дежурно радуюсь моей новой жизни? – думала я. – Нет. Этого не может быть. Я с детства хотела жить в самом главном городе, и я обязательно полюблю его».

Возвращаясь к своей пятиэтажке, я специально задерживалась у подъезда и присматривалась к моим соседям. Но почему-то тех нарядных людей, которыми я восхищалась двадцать лет назад, не было. Наоборот, часто я видела людей неопрятных, выпивающих тянущий изда-лека сивушным запахом алкоголь на лавочках у детской площадки. Со временем я поняла, что

в моём доме жили либо старушки, помнящие ещё год постройки дома, с их опустившимися родственниками или те, кто вынужденно снимал временные квартиры.

Я приглашала коллег в гости на новоселье, обещая что-нибудь испечь. Но мой старый двор ни у кого не вызывал восторга, а выпечка в погоне за стройностью оказалась у всех под запретом. Коллеги говорили мне, что в пятиэтажках жить непрестижно:

– Все стремятся купить квартиру в новых районах высотной застройки, там современные технологии, минималистичный дизайн, приличное общество. И тебе надо туда же. Что ты привязалась к своим допотопным пятиэтажкам?

– Но в новых районах нет души этого города, там же какие-то человеконики, – пыталась я спорить.

– Какой ещё души? Весь день в офисе торчишь, деньги зарабатываешь, чтобы позволить себе жить в этом городе. И ты думаешь, что у города, который заставляет тебя столько впахивать, есть душа? «Заработай или пошёл вон» – это всё, что говорит тебе этот город, – поднимали меня коллеги на смех и рекомендовали перестать витать в облаках.

– Но она же была, эта душа, я знаю точно, была, – отвечала я, уносясь мыслями в далёкое детство и боясь поверить в то, что становилось очевидным.

Летом я поехала в отпуск к маме в наш небольшой городок. Он показался мне тесным, медленным и совсем несовременным: пыхтел и брэнчал по старинке своими не первой свежести автобусами и трамваями, продавал в лице бабулек у остановки овощи с грядки, зазывал на уличные рынки, угощал свойскими яблоками и пышными ватрушками в маленьких квартирах с узорчатыми коврами на стенах. Здесь соседи знали друг друга и не было пустующих лавочек во дворе. Вечером у подъездов собирался народ: велись споры, передавались сплетни, рассказывались новости. Детвора носилась по двору и, как и двадцать лет назад, сбивала в кровь коленки. На скромные зарплаты родственники покупали друг другу в праздники заранее продуманные, желанные подарки. На вопрос: «Как дела?» – знакомые делились своими горестями, не боясь показаться слабыми и найти поддержку.

Вечером мы с мамой пили чай с её фирменным пирогом с капустой.

– А знаешь, мамуль, попробую-ка я поступить в наш пединститут, как когда-то хотела, – начала я сложный, но давно зревший во мне разговор.

– Доченька, ты что! Тебе ж скоро тридцать лет и опять за парту! А Москва как же? Или ты на заочное собралась?

– Нет, мамочка, поступать я буду на очное. В институт-то и раньше до 35 лет принимали, а сейчас, думаю, подавно. И устраюсь на подработку куда-нибудь. А Москва... Что Москва? Без меня жила, без меня и дальше жить будет.

– Да что ты выдумала? Ты же так хотела в столицу, все туда хотят, никто по своей воле не возвращается.

– Устала она, мамочка, видимо, принимать нас, приезжающих. На всех её души не хватает. Еле успевает расселять прибывающих в человекониках, потому любит тех, кто понапористей, посмелей, кто место своё сам быстрее занимает. Не хочу я с ней состязаться, кто кого. А в нашем городе ещё душа для каждого осталась. Отрежь мне, пожалуйста, ещё кусочек пирога побольше и давай-ка займёмся русским языком, а то у меня экзамены скоро.

Под прикрытием

О, как же мы умеем честно
Свой грех в других изобличать,
Стыдя в глаза чужое место,
В своём изъяна не признать.

Ю. Сёмина

Борис Алексеевич сидел за столом в своём тихом, тёмном, обветшалом кабинете спиной к окну, смотрел в бумаги на столе, что-то писал под включённой настольной лампой, периодически прерываясь, чтобы задать очередной вопрос:

– Так сколько Вы, говорите, употребляете алкоголя в неделю?

– Я не считал, доктор. Ну, бывает, выпиваю. Нечасто...

– Я должен всё-таки уточнить, что Вы подразумеваете под словом «нечасто»? Не часто – это раз в неделю или раз в год?

Мужчина, сидевший напротив Бориса Алексеевича, смотрел вниз на свои ладони, автоматически потирая колени худых длинных ног.

– Раз в год, это Вы загнули. Что ж я, не русский что ли?

– Гну не я, голубчик. Гнёт и загибает он – алкоголь. И откуда такое суждение, что пить – это по-русски? В древности, если хотите знать, на Руси пили мало, и то по большим праздникам. А что пили? Медовуху. Слыхали о такой? Так её крепость десять градусов. А больших праздников было: раз-два и обчёлся. В остальное время не пили, а работали. Пьянство считали большим грехом, между прочим. А Вы говорите: «Не русский что ли».

– Да что ж я жил тогда что ли? Сколько живу, столько пили, а что тогда было, так мало ли что...

– Хорошо. И всё-таки вернёмся к моему вопросу. Вы поймите, моя цель – не обличить, а разъяснить и попытаться отвлечь печальный исход.

– Ну, какой печальный исход, доктор. Что я алкаш какой-нибудь? Выпиваю как все, в выходной там, после полочки, по праздникам, всё как у всех, обычное дело...

Посетитель заёрзал на стуле. Он пришёл в наркологический диспансер за справкой для получения водительских прав, заплатил за неё деньги и не планировал выслушивать лекцию о вреде алкоголя.

Доктор-нарколог Борис Алексеевич Крытов вёл свой обычный приём. Просто выдать справку, за которой ежедневно приходили не числящиеся на учёте в наркологическом диспансере люди различных возрастов и профессий, он не мог. Справка стоила денег, хоть и небольших, но всё-таки требующих отработки. Поэтому Борис Алексеевич ежедневно скрупулёзно вёл приём, выполняя в ходе общения диагностику общего состояния посетителя, выявляя возможные нарушения функций вестибулярного аппарата и нервной системы, а также проводя профилактические беседы с заблуждающимися, несознательными, притворяющимися, отказывающимися и прочими, в основном, по их словам, непьющими пациентами о пагубном воздействии алкоголя на человека.

– Моя обязанность как врача Вас предостеречь: алкоголь – это яд, не запрещённый лишь в силу получения от его продажи больших денег. И получения этих денег за счет Вашего здоровья, а может быть, и жизни!

– Да что Вы, доктор, ей богу, ну какой жизни! Я ж говорю, что иногда только... – посетитель возмущённо посмотрел на доктора, считая, что лишение жизни из-за пары-тройки бутылок пива или чего-нибудь покрепче в пятницу – это всё-таки слишком.

– А вот если будете продолжать, убедитесь сами. Поймите, не существует безвредной для человека дозы алкоголя. Выход один – никогда не употреблять спиртное. Никогда. Я Вас предупредил. Держите справку, в регистратуре печать без очереди поставите. Всего хорошего.

Пациент вышел. Борис Алексеевич посмотрел на часы, к его неудовольствию лишь на немного приблизившие окончание рабочей смены, и позвал следующего.

В кабинет вошла невысокого роста стройная девушка, светленькая, вся будто прозрачная, и села на стул около стола:

– Добрый день! Мне бы справку на работу. Я в детский садик устраиваюсь.

– Добрый! Хорошо. Значит, будете детей воспитывать?

– Да, я после колледжа, буду помощником воспитателя в младшей группе.

– А свои дети есть?

Прозрачные щёки девушки покрылись румянцем.

– Нет ещё, я не замужем пока, но мы планируем.

– Вот и хорошо. Вовремя Вы ко мне попали, чтобы потом не было поздно.

– Поздно для чего, доктор? – девушка немного смутилась, не понимая, как вопрос рождения детей может быть связан с её нахождением в этом кабинете.

– Слышали ли Вы когда-нибудь выражение «пьяное зачатие»?

Девушка отрицательно покачала головой.

– А «дети первой брачной ночи»? Тоже нет?

– Нет, не знаю.

– Не знаете. Вот именно. А знать должны. Обязаны. Тем более, сами собираетесь работать с детьми. Это выражение используется в отношении детей, зачатых в первую брачную ночь пребывавшими в состоянии алкогольного опьянения безответственными родителями. Такие дети рождаются с аномалиями, дисфункциями, физическими нарушениями, внутриорганическими отклонениями и патологически слабым иммунитетом. Я уже не говорю о нарушениях умственного и психического развития.

– Я не пью, доктор, – почти прошептала девушка.

– Не пьёте? Уверены? Хотя у меня в кабинете за тридцать лет практики почти все непьющие. По их словам, конечно.

– Могу шампанское в праздник, – продолжила шёпотом прозрачная посетительница.

– Вот видите. Шампанское. Этот напиток, как и любой другой алкоголь, содержит что? Этиловый спирт. Этанол. Который что? Который, попадая в организм будущей матери, неизбежно приводит к мутационным изменениям в яйцеклетке. Следствием оплодотворения такой яйцеклетки будет рождение ребёнка с аномальным генетическим заболеванием.

И без того бледненькая кожа девушки сделалась совсем белой. Она смотрела на врача, часто моргая и, казалось, готова была разрыдаться.

– Барышня, барышня, миленькая, ну что Вы так распереживались, – сменил указующий тон доктор, заметив волнение девушки. – А вот отметите день свадьбы лимонадом или компотом, и всё будет хорошо. И дети здоровы, и родители. Давайте бланк справки из регистратуры, я заполню.

Девушка внешне немного успокоилась и даже попыталась улыбнуться. Борис Алексеевич заполнил справку, расписался и протянул готовый документ посетительнице.

– Не забудьте поставить печать в регистратуре, без очереди.

Девушка встала, поблагодарила за справку и, казалось, уже совсем успокоенная направилась к выходу из кабинета, как доктор задержал её:

– Минуточку... И будущего супруга не забудьте предупредить, чтобы исключил употребление алкоголя не менее чем за полгода до зачатия. В противном случае, у будущего ребёнка возможна недоразвитость конечностей, внешние уродства, грудноклеточная деформация...

Но она уже не слышала окончания фразы, выскочив из кабинета и чуть не забыв поставить печать на полученной справке.

Борис Алексеевич вновь бросил взгляд на циферблат ручных часов и снова остался недоволен.

– Следующий, – позвал он громко, но никто не вошёл, и доктор погрузился в размышления. Борис Алексеевич, больше десяти лет назад овдовев и живя одиноко, привычно рассуждал сам с собой: «А ведь не завези нам когда-то, веке так в десятом-одиннадцатом, западные якобы друзья вино и спирт, не издай Иван Грозный приказ об открытии царевых кабаков, да не распусти Брежнев народ, может быть, и не пили бы столько. Пускали бы и сейчас чарку с медовухой по кругу. Выпил свои два глотка и всё, пора и честь знать. Но какой там. Литрами пьют, а то и больше. И это всё на заработанные трудом деньги, которые можно было бы потратить

на более сознательные нужды. Хорошо, если заработанные, а то на что только не идут, чтобы купить чекушку. И сами уже не рады, а всё несут свои кровные в винно-водочные магазины на радость их владельцам. И государство тоже радо, постоянный доход с налога и затуманенный спиртом мозг многомиллионного населения. Да, уж...».

– Можно? – прервал размышления доктора чей-то громкий голос.

– Да, проходите, Вы за справкой?

– Ага, за справкой. Квартиру продаю, по наследству досталась, сказали справку у нарколога получить, чтобы удостовериться, что я не с пьяных глаз продавать собрался, – шутил средних лет посетитель в спортивном костюме.

– Что ж, хорошо, сейчас посмотрим, с каких Вы глаз сегодня, – тоже шуткой ответил Борис Алексеевич. – А в глазах вижу радость вчерашнего вечера и печаль сегодняшнего утра.

– Ух ты, доктор, да Вы экстрасенс прямо, так и есть, вчера хорошо посидели с парнями после работы. Вот, думаю, от Вас за пивком сразу, поправить здоровье.

– Да, Вы редкий посетитель, вот так с порога врачу-наркологу рассказываете о своей зависимости.

– Ну, какая там зависимость, выпили вечером с ребятами, переборщил слегка, пивом полерну сейчас – и всё нормально будет, – посетитель вовсе не смущался, наоборот, увлечённо рассказывал доктору о своих планах.

– Но, голубчик, в Ваших же интересах осознать свою зависимость и постараться изменить тот образ жизни, который может привести к необратимым последствиям.

– Слушайте, доктор, ну хватит мораль мне читать. Я взрослый парень уже, сам знаю, что мне менять, а что оставлять. Если вчера перебрал, так что с того. Кто не перебирал и не похмелялся?

– Вы очень поверхностно подходите к Вашей проблеме. Ведь единовременное отравление этанолом – это верхушка айсберга. Но за ней, за попытками этими же средствами на короткий срок улучшить самочувствие или, как Вы говорите, похмелиться, лежит привыкание, а потом панкреатиты, циррозы и инфаркты с летальным исходом, и это, не считая асоциального поведения и прочих сопутствующих факторов.

– Мужик, ну ты серьёзно? А сам то ты что, ни-ни? – раздражался посетитель.

– Я ещё в медицинском институте, будучи впечатлительным юношей, насмотрелся на вскрытиях на последствия злоупотреблений, неутешительное зрелище, знаете ли.

– Ох, как будто этим напугать можно по нашей жизни. А меня воспитывать точно поздно. На учёте в вашей наркологичке я не состою, руки не трясутся даже сегодня, так что давайте, пишите уже в справке, что там надо, оплачено, так сказать, и расход.

Борис Алексеевич поморщился, как будто съел что-то кислое:

– Вы правы, формально справку я Вам выдать обязан. Но в то же время как врач я должен хотя бы постараться достучаться до Вашего сознания. Ведь Вы не только для себя самого опасны, но и для общества. Треть преступлений в нашей стране совершается людьми в состоянии алкогольного опьянения. Этанол, попадая в кровь, влияет на мозг человека таким образом, что у него вырываются на волю все старые комплексы, потаённые желания, и при этом исчезает страх. Агрессия такого человека опасна для окружающих.

– Ну, утомил ты меня, доктор. Что, я не понимаю что ли – в выпивке правды нет. Так её нигде нет. Только без выпивки ещё и жить тошно. Хотя и с ней с утра тошнит. Но ты не думай, у меня всё под контролем и под прикрытием, так сказать: на работе ни-ни, вечером можно, но без перебора. Вчера случайно вышло.

– Да уж, «под прикрытием». Держите, голубчик, Вашу справку, не забудьте печать поставить в регистратуре. И помните, четверть российских мужчин умирает от злоупотребления спиртным, не достигнув пятидесятипятилетнего возраста. Неужели Вам настолько жить не хочется?

– Так это четверть, а остальные пьют и не умирают. Спасибо, доктор, и Вам не болеть!

Посетитель вышел, положение стрелок часов наконец почти удовлетворило Бориса Алексеевича. Он принял ещё одну женщину, которой нужна была справка на работу, охотника, получающего разрешение на ношение оружия. Оба посетителя не выказывали признаков даже редкого употребления горячительных напитков, но Борис Алексеевич всё же потратил обязательные пятнадцать минут на выявление возможных пагубных склонностей и на разъяснение последствий злоупотребления алкоголем.

На улице смеркалось. Из тёмного и в дневное время кабинета доктора виднелись то тут, то там включающиеся лампочки соседних домов. Мимо окон шли, возвращаясь с работы, люди разных возрастов и профессий. Вышел на улицу и закончивший приём доктор Борис Алексеевич Крытов, поёжился от холода и некоторого нетерпения и пошёл домой привычной дорогой с неизменным заходом в светящийся яркой вывеской винно-водочный магазин.

Амстердам

Лошадь сказала, взглянув на верблюда:

«Какая гигантская лошадь – ублюдок».

Верблюд же вскричал: «Да лошадь разве ты?!

Ты просто-напросто верблюд недоразвитый».

И знал лишь бог седобородый, что это – животные разной породы».

В. Маяковский

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.